

HORTUS BOTANICUS

Международный электронный журнал ботанических садов

12 / 2017

Информационно-аналитический центр Совета ботанических садов России
при Ботаническом саде Петрозаводского государственного университета

HORTUS BOTANICUS

Международный электронный журнал ботанических садов

12 / 2017

ISSN 1994-3849

Эл № ФС 77-33059 от 11.09.2008

Главный редактор

А. А. Прохоров

Редакционный совет

П. Вайс Джексон
А. С. Демидов
Т. С. Маммадов
В. Н. Решетников
Т. М. Черевченко

Редакционная коллегия

Г. С. Антипина
Е. М. Арнаутова
А. В. Бобров
Ю. К. Виноградова
Е. В. Голосова
Ю. Н. Карпун
В. Я. Кузеванов
Е. Ф. Марковская
Ю. В. Наумцев
Е. В. Спиридович
К. Г. Ткаченко
А. И. Шмаков

Редакция

А. В. Еглачева
С. М. Кузьменкова
К. О. Романова
А. Г. Марахтанов

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Красноармейская, 31, каб. 12.

E-mail: hortbot@gmail.com

<http://hb.karelia.ru>

© 2001 - 2017 А. А. Прохоров

На обложке:

Оранжереи Главного ботанического сада им. Н. В. Цицина Российской Академии Наук

Разработка и техническая поддержка

Отдел объединенной редакции научных журналов ПетрГУ, РЦ НИТ ПетрГУ,
Ботанический сад ПетрГУ

Петрозаводск

2017

Литературное садоводство

Экспедиция 1989 года за новыми растениями на Дальний Восток

ФИРСОВ
Геннадий Афанасьевич

*Ботанический институт им. В. Л. Комарова Российской академии
наук, gennady_firsov@mail.ru*

Ключевые слова:
история, история садоводства,
ботанический сад, пополнение
коллекций

Аннотация: Рассказывается об экспедиции Ботанического сада Петра Великого Ботанического института имени В. Л. Комарова РАН на Дальний Восток для пополнения коллекционных фондов Сада.

Получена: 03 марта 2017 года

Подписана к печати: 21 ноября 2017 года

*

Сбор на экспедицию на Дальний Восток 18 сентября 1989 года, запись из записной книжки – моего полевого дневника, что взять: карты маршрутные, свечи, спички, соль, топор, определитель растений, компас, фонарь, аптечка (тавегил, марганцовка), нож (взять у Васильева), секатор, копалка, открывашка консервов, миска, ложка, кружка, мыло, полотенце, котелок (у Васильева), лёгкое одеяло, ледоруб, палатка, накидка от дождя, тёплые вещи, упаковочный материал, шпагат, фляга (1 литр – пластмассовая бутылка). Подчёркнуто: компас, спички, соль, накидка от дождя и кое-что ещё. Важным моментом были тёплые пуховые носки (которые потом утонули). «Определитель растений» - взято в скобки, но он то как раз и пригодился. Записаны адреса и телефоны: Лена Веденяпина: 482 12 70; Андрей Фролович Журавков, директор ботанического сада во Владивостоке; Пшенникова Людмила Михайловна – наша коллега во Владивостоке и хорошая знакомая; Петропавловский Борис Сергеевич – директор Горно-Таёжной станции. Сахара 3 кг – нет (зачёркнуто), взять 1 кило. Макароны не брать, лучше 1 кг гречки. Тушёнка – по 5 банок. Кофе. Чай – одна большая пачка. Сгущёнка – 3 банки. Мёд. Шоколад. Изюм. Баклажанную икру не брать. Варенье – «не брать» зачёркнуто, дописано: «немного». Печенье не брать. Резиновые сапоги. Нитки, иголки. У Васильева получено 550 рублей. Попасть на Сахалин, Находка. Запись ниже: не беру ножницы, открывалка, зеркальце, фонарь, котелок, свечи. Завтра на работе: палатка, топор, спальник, ледоруб, копалка. Узнать про определитель. Взять для мемуаров: ручки, карандаши, полевой дневник. Взять книгу на английском языке. Расходы: билет Ленинград – Южно-Сахалинск – 157 руб. Билет Владивосток – Ленинград – 141 руб. 20 сентября 1989 г.: итого 298 руб. Должно быть в наличии 550 - 298 = 252 руб.

Санкт-Петербургский ботанический сад на протяжении всей своей трёхвековой истории был известен своими растениями российской флоры, прежде всего сибирскими и дальневосточными. Огромную роль в пополнении коллекции играли многочисленные экспедиции по России и сопредельным странам, откуда доставлялись семена и живые растения в столицу Российской империи. Здесь впервые введены в мировую и европейскую культуру многие виды деревьев, кустарников и лиан, такие как груша уссурийская и черёмуха Маака.

Дальний Восток – наиболее интересный регион для интродукции в Санкт-Петербург и на Северо-Запад России новых видов древесных растений. Особенно богата флора южной части Дальнего Востока. Только здесь можно собрать образцы таких видов как кирказон маньчжурский или экзохорда пильчатоллистная. И, что ещё очень важно, дальневосточные растения хорошо адаптируются в условиях Северо-Запада России (в отличие от растений Средиземноморья и других южных широт).

Нас было пятеро. Четверо представляли Ботанический сад Ботанического института имени В. Л. Комарова Академии наук СССР в Ленинграде. Михаил Диев был из Ботанического сада Московского университета. Среди нас было два дендролога – Александра Холопова и я. Нина Алексеева, Владимир Рейнвальд и Миша Диев были специалистами по травянистым растениям. Сроки экспедиции мы выбрали со второй половины сентября и до октября, а точнее – с 21 сентября по 11 октября. Это лучшее время для сбора семян. А также растений, когда они хорошо переносят пересадку. Погода в это время обычно благоприятная, и ещё не так холодно. Уже нет опасности энцефалитного клеща. Мы долго обсуждали возможные маршруты. Все хотели посетить Южные Курилы, и, особенно, остров Кунашир. Это единственное место в России, где в природе растут магнолия, клён японский, липа Максимовича и многие другие виды.

Предварительно был составлен список желаемых растений, он насчитывал 88 видов. Такие растения редко встречаются в культуре. Их обычно нельзя достать каким либо другим образом. Даже если бы удалось собрать лишь некоторые из них, экспедиция уже была бы оправдана. За прошедшие годы и столетия много видов флоры Дальнего Востока у нас уже были испытаны. Но часто представляет интерес не только первичная, но и повторная интродукция. Некоторые виды по разным причинам выпали из коллекции. Для многих старых деревьев происхождение неизвестно. Поэтому всегда очень важно получить образец из природных местообитаний с указанием точного места сбора.

Мы решили вначале лететь на остров Сахалин. Самолёты летают в областной центр – Южно-Сахалинск, в южной части острова. Прямого рейса не было. И вот, я открываю свою старую тетрадь: самолёт ИЛ-62, Красноярск – Хабаровск, 21 сентября 1989 года, время 21.00. Всего летели 18,5 часов (21 сентября, 14 часов 15 минут, до 9 часов 22 сентября). В Красноярске +1°, почти зима. Долго ждали в Хабаровске самолёт до Южно-Сахалинска. Прилетели 22 сентября, в 9 часов, или 17 часов по местному времени. Устроились в гостиницу, общежитие СПТУ-18. Погода хорошая, +16°, как в Ленинграде. Съел 4 корейских пирожка из рисовой муки с капустой, мясом и перцем по 50 копеек. Дорого, но вкусно. У вокзала в ларьке продаётся зубатка в банках, икра минтая и прочее (чего у нас в Ленинграде нет).

**

23 сентября. На другой день, в субботу, сходили в город на рынок. Пуховые носки и варежки 25-30 рублей, мёд – 8 рублей, свежая кета – 80 копеек, солёная горбуша – 2,50, помидоры 1,5-2 рубля, огурцы – 2,50. Сезон прошёл. Торгуют корейцы, по-русски говорят без акцента. Купил меховые носки Лене. Зашли в Дом торговли. Купил сувениры. Много голубой ели в Южно-Сахалинске у административных зданий. Много рябины в городе. Широко встречается тополь и берёза. Единично - тис остроконечный, яблоня сахалинская, клён остролистный. Это местные виды. Воздух в городе чистый. Много корейцев.

После обеда пошли в горы. Внизу светило солнце, была пора «золотой осени».

Нагрузились. Я нёс палатку, спальник, ледоруб, два фотоаппарата. Также одежда, топор. Одеяло прихватили из гостиницы, несла Шура (потом и я, и Нина с ним на вершине сфотографировались, когда замёрзли). А также я нёс мешочки, пакеты, верёвку, секатор. Брали также фонарь, спички (свечи забыли, но они и негодились). Прошли километра полтора по городу. Затем около километра по городскому парку. Навстречу нам шли и ехали люди с корзинами. Они несли чернику, бруснику, рябину, кедровые шишки, грибы. В свои корзины жители собирали и рябину бузинолистную. Там растут два вида рябины. У одной горькие плоды, а у этой кисло-сладкие, без горечи. Из шишек кедрового стланика получают известные всем «кедровые орешки». Семена чуть мельче, чем у более известного сибирского кедра, но такие же вкусные. Лимонник, актинидию, элеутерококк и аралию мацужурскую встретили прямо в парке.

Володя был здесь несколько лет назад, и он предложил нам подняться на гору Чехова – это тысяча метров над уровнем моря. Гора Чехова самая высокая в окрестностях и ботанически интересная. Здесь была возможность собрать карликовый рододендрон камчатский. Южный Сахалин и Южные Курильские острова относятся к Сахалино-Хоккайдской флористической провинции. Значительное число этих растений не встречаются на материке. Большая часть островов занята таёжной растительностью, тёмнохвойной елово-пихтовой тайгой. Очень своеобразны низкорослые горные леса из берёзы каменной и курильского бамбука. Характерная черта растительности – высокотравье, гигантские травы достигают 3-4 м высоты. В этих местах поражает совместное произрастание южных и северных видов. С одной стороны, как будто попадаешь в субтропики, вокруг тебя лианы, пышные папоротники, бамбук и вечнозелёные кустарники. С другой стороны, здесь растут и северные виды, обычные для Сибири и Камчатки. Здесь чётко выражена вертикальная зональность растительности.

Рододендрон камчатский в горах

Геннадий, вершина горы Чехова, Сахалин

Увидели следы тайфуна. Он шёл полосой. Повалены и сломаны деревья на большом протяжении – сплошь более одного километра. Плохо бы пришлось здесь в тайфун. Уже вечерело, когда с дороги сошли на горную тропу. Наступили густые сумерки, а мы всё шли и шли. Встретились спускавшиеся с горы люди. Мы спросили: «Далеко ли до вершины»? Ответ не обнадежил: «У вас все подъёмы ещё впереди». Повезло, уже в темноте дошли до сравнительно ровной площадки – а то и палатку негде было поставить. Вокруг нас деревца берёзы каменной, берёзовое криволесье. Костёр развёл со второй спички. Воды с собой –

2,5 литра, хватило на чай. Пекли картошку. Костёр развели под большим камнем. Бамбук хорошо горит. Нарезали его и на подстилку. Собирали дрова – можно сломать ногу, брал нижние засохшие ветви. Поджигал бересту. Всю ночь внизу – огни города. Всего шли часа три. До тропы не менее 10 км, и вверх до зоны тундры – ещё час. Остановились мы на высоте около 500 метров. Здесь уже не было следов тайфуна. Легли головой к выходу (по моему, чтобы быстрее вылезти из палатки, если что случится, если медведь нападёт). Всю одежду – сушить, хоть выжимай. Я просто упал на землю – тяжело даются растения.

Продолжаю писать в палатке несколько дней спустя, все уехали в город, а я дежурю в аэропорту, 27 сентября – никак не улететь на остров Кунашир. И вот к палатке подходят коровы, обнюхали её, порвали полиэтиленовую накидку...

Итак, продолжаю, мы на горе Чехова, *23 сентября*. Наши девушки боялись медведя, но всё обошлось благополучно. Ночью не замёрзли. Но упал туман (вначале он был внизу под нами). Под утро поднялся сильный ветер. Собрали палатку и снялись без завтрака. К тому же оказалось, что мы поставили палатку на тропе. Был выходной день, грибники и ягодники шли в горы. Начался ещё более крутой подъём. Попутно собирали семена: клён жёлтый, бересклет, жимолость, вечнозелёный падуб, бузина сахалинская, смородина. Тропа скрывалась в зарослях бамбука, здесь он был до метра высотой. Как мы позже узнали, уже на Кунашире, идти по зарослям высокого бамбука нужно с большой осторожностью – местные жители ходят в специальных очках, чтобы не выколоть глаза. Мы облегчённо вздохнули, когда добрались до зоны тундры, примерно до 900 метров над уровнем моря. Но становилось всё холоднее. Началось более открытое место, где дул пронизывающий ветер. А моя одежда продуваемая. И самое плохое – пал туман. Володя сказал, что это очень опасно. Он уже здесь бывал раньше, и, по его мнению, более интересны северные склоны к Охотскому морю. Но туда так далеко мы не пойдём. Туман – это опасно, можно сбиться с тропы и заблудиться. Тут был ковёр из брусники. Поели её и собрали на семена. Местные жители (их было немного) собирают её совками. Интересно, что рябину бузинолистную они ценят практически наравне с брусникой. Варенье из неё, говорят, отличное. А внизу нашего подъёма, у подножья горы, была горькая рябина. Мы отплёвывались, попробовав по ягоде. Это была рябина смешанная. Есть ещё ягода клоповка. Пахнет клопами, но при варке варенья запах исчезает. В Европе её никто не знает и не разводит. Стоит чуть сойти с тропы, всё переплетено кедровым стлаником. Много шишек. Я нарвал с полведра. Чистил их медленно уже в гостинице, из 20 шишек получается стакан семян. На рынке одна шишка стоит 10 копеек (но самая малая зарплата на Кунашире – 350 рублей). Один талон на водку там стоит 5 рублей. На вокзале в Южно-Сахалинске (центр спекуляции) бутылка водки стоит 30-40 и до 70 рублей. Семена кедрового стланика довольно крупные и, в общем, не хуже, чем у кедрового сибирского. Их легко собирать. Один дядька у нас грелся у костра. Он часа за три или меньше набрал несколько вёдер шишек, полную заплечную корзину. Есть и тропа браконьеров, которую проложили ещё японцы. Но туда нужен отдельный поход. А сейчас, пожалуй, в горах каждый день туман – Володя был ведь здесь в первый раз в июле. На скалах растёт родиола сахалинская – собрали и её корнями. Шура взяла камень, а я на память выкопал две ёлочки аянской. Хорошо на даче посадить и карликовую рябину, если она там не разрастётся в дерево. Водяники здесь – ковёр, с сочными чёрными ягодами, которые можно есть. Но если у нас под Ленинградом она растёт на болоте, то здесь мы – на скалах, высота почти в километр. Снова под большим камнем развели костёр, и снова со второй спички. Нина приготовила на костре гречневую кашу. Позавтракали, сварив кашу и заварив чай. Володя остался караулить вещи и оставшиеся деньги с документами, а мы пошли на вершину горы. Съел по пути литра два брусники. С трудом выбрались из зарослей

кедрового стланика, чуть сбившись с тропы, зато набрали шишек. Попались навстречу и местные жители, которые поднимались сюда даже с детьми. На другую сторону горы люди уже не заходили. Но надо было уже идти обратно. Вечерело. Оказалось, что спускаться – ещё дольше, чем подниматься. И разобрать растения вечером мы не успели, пришли на другой день в 10 вечера. Последствия тайфуна сфотографировать не успел, здесь шли уже в полной темноте. Плохо спускаться с горы в дождь – будешь скользить и падать. Нам с погодой повезло. По пути на спуске собрали два вида орхидей и лилию.

И снова, *27 сентября*, я дежурю в палатке, 11.20. «Что это за табор?» - подошёл администратор аэропорта. – «Извините, мы не можем улететь на Кунашир. А из гостиницы нас выселили. Мы ботаническая экспедиция Академии наук. А накидку я сейчас уберу». Палатка пока не просохла, а тем более накидка.

На другой день после горы Чехова, 25 сентября, был день отдыха. Прибаливают мышцы ног. Отметили командировки. Весь день дождь. Получали пропуск в погранзону. Ездили в институт в Новоалександровск. Узнали, что карантинный сертификат на вывоз растений с Кунашира не нужен. Просто будет карантинный досмотр в Южно-Сахалинске. Наши микологи сказали, что ищут золото и на растения при досмотре не очень обращают внимание. Стояли за билетами в кассе Аэрофлота. Купил вчера у соседа по комнате Саши литровую банку красной икры слабого посола за 25 рублей из общественных денег. Наелись икрой (потом эту банку мы так и не доели). Купили рыбы в магазине «Океан». Горбуша слабого посола 3.00 за килограмм. Терпуг копчёный – 1 руб. 12 коп. (вкусный). Палтус – 2.50...3.00. Копчёный кальмар – 6.00 (дороже всех). Копчёная горбуша не очень понравилась, палтус лучше (в Ленинграде ничего этого не было). До двух часов ночи разбирали растения. Много японских машин для левостороннего движения, руль справа (для нас тогда было в диковинку).

26 сентября, вторник. Мы долго спали. Из гостиницы нас выселили сразу с утра (хотя мы имели право там быть до 12 часов) – заезд депутатов на сессию. А мы ведь продлевали на один день каждый раз, так как не знали, что будет дальше. Пошли с Володей в Ботанический сад. Он на замке. Черняевой нет. Прикопали растения (наши сборы) не там, а за гостиницей. Свои вещи вначале отнесли к женщинам в номер, но потом их тоже выселили. Вещи тащили на остановку за два раза. Нина позвонила знакомым. Отнесли им то, что не берём на Кунашир. Поймали «Жигули» за 300 рублей – и в аэропорт. На Кунашир только один рейс. А пассажиров собралось уже на четыре рейса. Не улетели. В 18.30 местного времени решили идти в сопки ночевать. Подъехали две остановки на автобусе ближе к окраине города. Кругом воинские части. Идти тяжело. Место для ночёвки не нашли. Наступила ночь. Наткнулись на радарную установку. Лес плохой – густой молодняк, берёза, хвойные. Я побежал дальше поискать ровное место, чтобы было не видно с дороги. Но когда вернулся – поступило предложение от нашего коллектива вернуться в аэропорт. Разбили палатку, предварительно поужинав, прямо в ста метрах от входа, неподалёку от самолётов, на лужайке, растянув её за два тополя.

И вот я пишу эти строки *27 сентября* в 12.05. Позавтракал двумя ложками красной икры, одним сухариком и стаканом компота, который мне принесли из кафе. Принципиально не пошёл туда рубль проедать, так как продукты всё время возим за собой. А вчера вечером (то есть 26 сентября) на вершинах самых высоких соседних сопки выпал снег.

19.35. Пролетаем над кратером вулкана Тятя. Он дымится. Уже сумерки, а видно, как он дымится. Местные нам говорят: если с юга острова виден Тятя, то будет тайфун. Видна

Япония – огни и горы острова Хоккайдо. В семи километрах от гарнизона, где служит муж моей соседки по самолёту – японское телевидение практически круглые сутки, не надо видео-фильмов (и секс, и про вампиров, и ужасы – ничего этого у нас тогда ещё не было). Япония сияет огнями.

19.55. Гора Менделеева при посадке похожа на спящую женщину.

23.00. «Надо отметить, выпить спирта» - сказали женщины. Но мужчины не те. Гостиница «Магнолия». Приехали ночью. Четырёхместный номер стоит 5 руб. 60 коп., то есть, по 1.40. Пограничников не было. Лететь 1 час 20 минут. Только миновали вытянутый край Сахалина – и быстро показался Кунашир. Попили чая. Поздний ужин – солёная горбуша, сыр, пряники, икра. Узнали про медведей, про заповедник и т. д. Взлётная полоса железная – часты сильные дожди.

Гостиница "Магнолия"

28 сентября, 9.25. С утра льёт дождь. Радиопередача на корейском языке. Лесник Андрей Иванович Терновой. Алёхино. Он должен сказать нам, где выбрать место для лагеря. В тот же день, вечером в гостинице. Душно, влажно. Весь день льет дождь. Сильный ветер может сбить с ног. С утра – в заповедник. Встретили нас, как и говорил Саша Коваленко, более чем прохладно. «Свалились, как снег на голову. Надо писать заранее, могут ли принять и разместить. А то приезжают с вещами, а мест в гостинице нет». Так сказал заместитель директора по науке Михаил Борисович Дыхан. «Хорошо, что вы можете жить автономно (то есть в палатке). Какова ваша программа»? Когда мы назвали растения, какие хотели бы собрать, даже в очень ограниченном количестве, липа Максимовича, дафнифиллум, клён японский, рододендрон Чоноски, он насторожился. И сказал: «Вы хотите собрать достаточно редкие растения». Потребовал программу. В произвольной форме ... ведь мы не бюрократы... Тут же мы составили: 1) сбор семян отдельных видов (20-30 образцов) для посева; 2) сбор живых растений, травянистых и древесных (липа, берёза, ирис, рододендрон, клён); 3) фотосъёмка на слайды. Время сбора 28 сентября – 3 октября. Обратный пароход – 3 октября. Следующий пароход пойдёт по островам, идёт долго, и мы не успеваем на самолёт. Старший группы – я. Выдали пропуск в заповедник: Алёхинский кордон (южная часть острова). Хотя и отговаривали. Собирать растения можно в охранной зоне (посёлок Менделеево, Третьяково). Алёхино – это день перехода. По берегу океана – лишь при отливе. Это не посёлок, а кордон лесника, за которым погранзастава. Границы между заповедной и охранной зонами, к сожалению, нет. Но флора одинаковая. И незачем

рваться в Алёхино. Терять два дня на переходы и ночевать в палатке без удобств вместо гостиницы - неразумно. Из Менделеево, где находится аэропорт, можно сделать заходы по разрезам от океана в сопки.

Хотели ехать на 17-й километр, но льёт дождь. Местные сотрудники отказались. Нужны болотные сапоги и непромокаемая одежда. В зарослях бамбука выше пояса не пройдёшь и потом не высохнешь. Познакомились с Мишей Диевым из Ботанического сада Московского государственного университета. Чтобы работать в заповеднике – нужно разрешение Госкомприроды на сборы (которое вряд ли там дадут). Нагрянули ботанические сады – Москва, Владивосток и другие. Если бы это было исключением, а то становится правилом. Поэтому нам дали пропуск в Алёхино, а больше давать не будут никому. На будущее – надо заранее списываться, когда могут принять. Посылать программу. Если их удовлетворит, то дадут разрешение. Можно заключить договор. Если просить их собирать семена – надо чтобы и они что-то имели с этого. Например, чтобы мы помогли им с публикациями их работ. Сегодня собрал раковины, в том числе гребешки, у океана. Шторм. Фотографировать нельзя. Шёл пешком около 7 километров от штаба погранотряда. Лишь в черте посёлка подобрал автобус. Проезжало мимо довольно много машин, но меня не брали (возможно, думали, что «японский шпион», но я и не голосовал). В штабе получил спецпропуск. Надо было ждать 2 часа и 10 минут рейсовой погранмашины. Поэтому я пошёл пешком, осматривая флору. И сразу пришёл в изумление и восторг. Пихтовый и берёзовый лес, на опушке заросли бамбука. На деревьях лиана – гортензия черешковая из Красной книги СССР. На обочине дороги – аралия манчжурская – невысокое дерево с огромными перистыми листьями и ещё одна аралия, травянистая. Цвела гортензия метельчатая, мечта наших дачников. Встретилась ольха (но не наша, а японская). Из травянистых растений цвели: аконит большой (синими цветками), генциана (*Gentiana axilliflora*), крестовник (*Senecio pseudoarnica* – крупные жёлтые цветки). Собрал в воде океана ирис щетинистый (*Iris setosa*). *Dianthus superbis* (сиреневая гвоздика). Какалия камчатская и мертензия азиатская (голубые, у океана). *Ptarmica speciosa* (собрал семена). Штормовое предупреждение на завтра: усиление ветра и дождя. «Не повезло с погодой» - посочувствовали и зам. директора по науке в заповеднике, и капитан Малышев. Вечером сходили в баню (35 копеек), веник 20 копеек.

29 сентября. С самого утра было солнце. А в 8.45 ураган, пелена дождя. Машину снова не дадут. За окном свистит ветер. Интересно, что у людей местных окна закрыты полиэтиленовой плёнкой. Возможно, ураганом разбивает стёкла – так решили мы. Ожидается сильное землетрясение на днях – предсказала гадалка. Жёны офицеров, с которыми мы ехали на погранмашине, часто ощущают землетрясения.

Собаку лайку в заповеднике звали Юган. Шура потом долго вспоминала, как я Югану сказал: «Извините, пожалуйста». 12.40. Сажу у печки в научном отделе заповедника, разложив на трубе мокрые носки. Подложил угля в печку и жду машину. Поедем на горячие источники и к мысу Столбовому. Дождь всё идёт с перерывами. Только вернулись из столовой. Встретил Ирину Петровну Петухову из Ботанического сада Владивостока (когда мы её встречали на конференции в Киеве перед этим, она нас всячески отговаривала ехать на Кунашир, она занимается магнолиями; кстати, говорят, она - внучка богатыря Ивана Поддубного). Орех айлантолистный, сказала она, здесь исключительно редок (у озера Песчаное) и только в посадках японцев. Она приехала только из-за магнолии. Кунашир – это единственное место в России, где в лесу можно увидеть дикорастущую магнолию. По местному радио объявили, что на Сахалине и Курилах благоприятный медицинский тип погоды. Выехали мы около 2 часов дня на машине заповедника, которая пошла на крайний

юг острова, в Головнино. Мы сошли на девятом километре.

14.25. И вот мы приехали. Ручей Лечебный. Сделал фото: Володя в долине ручья собирает семена курильского проса. Ипритка (сумах восточный) на обнажениях камней и скал – очень ядовитое растение. Одно из первых воспоминаний о Кунашире: запомнил одного дяденьку, который сидел и обмазывался «болтушкой» (местная мазь) против ипритки, тело у него было в язвах. Здесь, в отличие от горы Чехова, заросли бамбука в рост человека (самые крупные размеры, что мы видели – до 3 метров высоты). Мы шли под дождём вдоль ручья километра два-три, переходя то на одну сторону, то на другую, раздвигая бамбук. Слава богу, я ни разу не оступился на скользких камнях. Лес из ели Глена и ели аянской, а также пихты сахалинской. Лиановидная гортензия черешковая взбиралась на несколько метров по стволам хвойных деревьев. Актинидия оплетала бамбук по опушке леса, плоды были ещё зелёные – по крайней мере, я не нашёл ни одной спелой, но уже появились жёлтые листья. И, конечно, вдоль ручья почти везде – кедровый стланик. Много маленького самосева ели и пихты, который мы и собрали – теперь эти деревья растут в нашем парке. Самосев только там, где нет бамбука. Встретились ольха шерстистая и берёза каменная, рябина смешанная и гортензия метельчатая. В подлеске – бересклет крупнокрылый. Много вересковых – это багульник, красника, менцизия. Вечнозелёные древесные почвопокровные – скиммия ползучая и падуб. Травяной покров высокий – Курилы славятся своим высокотравьем. Лизихитон камчатский выкопать не удалось – почки глубоко под водой. В девственном лесу на деревьях висели борода лишайников. В лесу много грибов. Над ручьём нависало дерево калопанакса с зелёными плодами, по нему взбиралась вверх ипритка. Ипритки много. Говорят, до неё нельзя дотрагиваться. Но пришлось дотрагиваться, когда выкапывал, увлёкшись, сеянцы калопанакса. Нашли два вида орхидей. Шура собрала плоды калины. С нами был местный ботаник Анатолий Григорьевич Савченко. Он помогал уточнять названия незнакомых растений. Анатолий Григорьевич был в специальных очках для защиты от бамбука, чтобы не выколоть глаза. А также в рукавицах, видимо, от ипритки. Дождь к обеду перестал. В ручье Лечебном рыбы нет, потому что здесь горячие источники. В ручье купались долго, температура воды до 90°, в ней варят яйца и картошку. Я и обжёгся. Температуру надо регулировать самому, передвигая камни в ручье, страшивая холодную и горячую воду. Вода кислая, в рот набирать нельзя – разрушатся пломбы зубов. Чувствуется небольшой запах сероводорода, отложения серы, идёт пар. Вода целебная, люди лежат по несколько часов. Двое людей пришли вечером на ночь. Излечивает экзему, дерматиты, перхоть. Говорят, что в ручье можно намыть и золото. Рассказали нам случай про медведей. Ботаника Сашу помял медведь, и он лежал в больнице. От медведицы, которая неслась на него, он увернулся и ударил её тесаком. Она помяла его и убежала. Обрато мы шли уже в темноте, с риском споткнуться о корни на тропе или о камни, или обжечься об ипритку. Здесь бывает такая темнота (когда туман или дождь), что на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Анатолий Григорьевич учил наших женщин, как голосовать и останавливать машину «с блеском в глазах» и какие делать движения.

Володя у кедрового стланика, ручей Лечебный, Кунашир

Вид на Кунаширский пролив, мыс Столбчатый, с ирисом щетинистым

30 сентября. Поездка к мысу Столбчатый. 17-й километр к югу от Южно-Курильска, побережье Кунаширского пролива. Человек десять с рыбокомбината поехали за грибами, это была суббота. И мы с ними. Время: с 9.40 до 17 часов. Высота вулкана Менделеева – 890 метров над уровнем моря. Я уже знал, что вулкан похож на спящую женщину. Тропа идёт вниз до горячего источника, где люди купаются, и даже варят местную горбушу. А оттуда ещё минут 15 до берега (Кунаширский пролив или Охотское море). Купался я два раза в море, где вода в небольшом заливчике защищена от волн. Вода солёная и не холодная, даже можно нырнуть. Нырять я с открытыми глазами. После этого третий раз купался в горячей ванне.

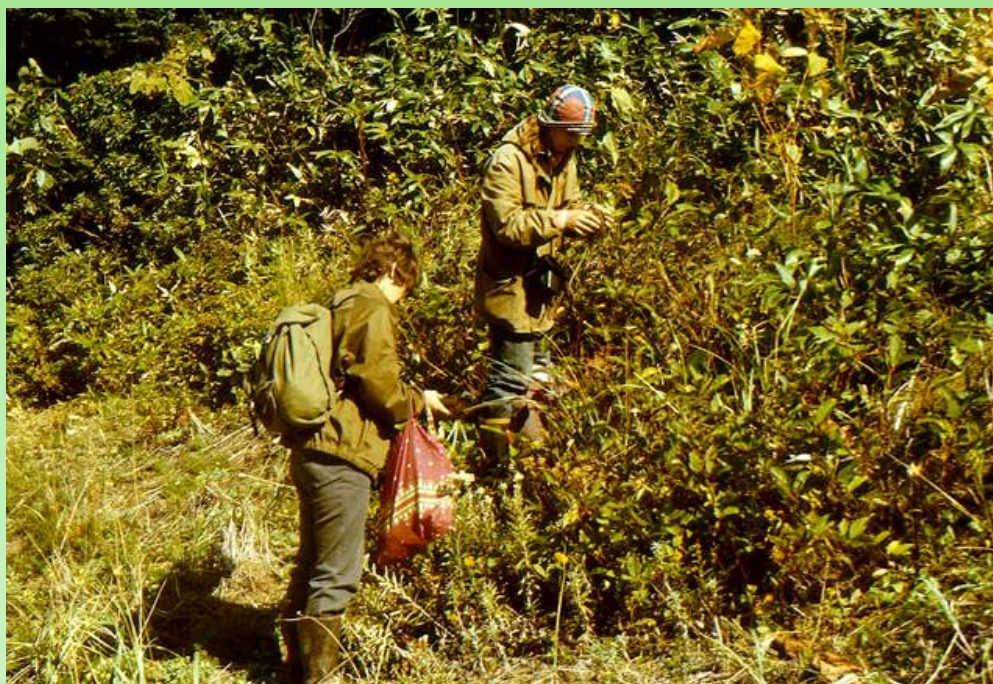
Подойдя к небольшому, узкому, шириной всего лишь около одного метра, и мелкому ручью с прозрачной как слеза водой, я ахнул – по нему шёл косяк крупной рыбы. Рыба шла вверх против течения, поднимаясь даже на небольшие водопады. Охватил азарт, бросился их ловить, поймал 3 горбуши и 2 кумжи. Но их некуда было девать. Поймав рыбу и с ней сфотографировавшись, часть улова отпустил. Нам нужно было всего две штуки. Вспомнились слова местных южнокурильцев, когда мы в Южно-Сахалинске долго ожидали самолёта на Кунашир. Они нам давали полезные советы и говорили: «Вы там смотрите, поосторожнее с рыбой и с рыбалкой, чтобы вас рыбнадзор не поймал». Мы удивлённо отвечали: «Да что, вы, дяденька, у нас ни удочек, ни крючков нет». А они улыбались в ответ. Лишь только тут, в ручье, я понял смысл их улыбки.

И здесь уже орудовали браконьеры – нашли кучи дохлой рыбы с вырезанным брюхом, значит, вырезали икру. С берега хорошо видны горы Японии, отсюда около 40 км и даже меньше до соседнего острова Хоккайдо. На берегу валялись обрывки японских сетей, обрывки канатов, пустые бутылки и пакеты, пивные банки. Много мусора приплыло, видимо, из Японии. Местных жителей на Кунашире всего пять тысяч человек.

Вечером в гостинице «Магнолия» варил уху из горбуши. Вторую засолил. Уха вкусная. Потом выпили много чая. Здесь продаётся чай № 36. Владимиру наши женщины пытались влить в чай ложку спирта, но он такой чай пить не стал и выплеснул.

Когда шли по тропе, впервые видели магнолию обратнойцевидную, но ни семян, ни сеянцев. А в «Красной книге РСФСР» сказано, что магнолия есть только в Алёхино, куда мы за ней и собираемся – а до Алёхино далеко, это самый юг острова. Заметно выделяется

в густом лесу во втором ярусе и подлеске своими крупными листьями. Здесь же был и ботрокариум – дерево 6-8 метров высоты, хотя в «Красной книге» про него сказано, что растёт «южнее Алёхино». Видно, что такие составители «Красной книги». Они, наверное, здесь и не были. Тропа заросла ползучей скиммией. Из деревьев здесь встретили бархат сахалинский, японский вяз, клён Майра. На скалах рос можжевельник Саржента. Шура собрала семена калины Райта. Ипритка здесь везде, всё заросло ею до самого моря. Когда мы шли уже по берегу, чтобы обогнуть один небольшой мыс, пришлось раздеться и брести – был прилив и высокая волна. Собрали кардиокринум Глена и лилию даурскую, какалию мощную и ирис щетинистый. К вечеру снова собрались у машины. Пока мы собирали растения, местные люди из нашей машины собрали по ведру-два грибов – в основном сыроежки, были рыжики и подберёзовики. Одна женщина грибы не собирала, а лишь купалась. На всякий случай надо было знать, что это цунамиопасная зона.

Кунашир, Шура (слева) с Ниной собирают семена для ботсада.

1 октября. И вот мы держим путь в Алёхино. В Третьяково уехали в 9 часов утра на автобусе выходного дня прямо от гостиницы «Магнолия» - можно сказать, повезло. Часть пути подвезли. 13.55. Прошли 7 км от погранзаставы Третьяково по берегу Кунаширского пролива. Здесь уже спецзона. Пограничники отметили время, когда мы вошли в зону. Погода хорошая, но облачно, в отличие от вчерашнего дня. Япония видна плохо (32 км, сказал часовой). Старший лейтенант на заставе нарисовал нам план, как идти. Он предупредил нас об ипритке и о том, что Алёхино – медвежий угол. Медвежий угол в прямом смысле – много медведей. К нам вышел и майор, начальник заставы. Даже попросил нас собрать ему лимонник – не знал, как он выглядит. Отметили на карте, где погранзастава, и где граница заповедника. Полоса вдоль берега от Третьяково и южнее – запретная зона для всех, здесь нет ни туристов, ни дачников, ни отдыхающих. Пятнадцать километров до следующей погранзаставы. Надо отметить и на той заставе, и здесь, когда выйдем из зоны. Да, Нина стучит кружкой – каша сварилась, пора идти к костру. Костёр развели уже возле озера Песчаное из сухих палок калопанкса, кругом трава термопсис.

Через полтора километра стоял шлагбаум и часовой. Он сказал, что приказ: дальше никого не пускать. Идут учения, «ловят диверсантов». Солдат поехал на лошади к командиру – вернулся, после этого нас пропустили. Как мы потом узнали – могли и не пропустить. Смотря какой сигнал поступит из штаба. Могут закрыть район на вход, а могут закрыть на выход. Даже если у нас есть и пропуски, и даже если пропустили на погранзаставе. Бывают учебные и боевые стрельбы, могут нечаянно подстрелить.

Пошли дальше. Захода в горы не получилось. Лес далеко, а времени мало. К тому же, с тропы вдоль берега лучше было не сворачивать – встретилась надпись, что тут мины. В ручье Валентин было много горбуши. Но мы на неё уже не обращали внимания, надо было засветло дойти до Алёхино. Поели солёных от морских брызг плодов розы морщинистой – вкусные и мясистые, хотя попадались и червивые. Огород, на котором пограничники сажали картошку, был огорожен колючей проволокой – видимо, от медведей. Возле Песчаного документы ещё раз проверил патруль. Песчаное – красивое озеро с чистой водой, как и всюду на Курилах. По берегу росла ежевика курильская. Пособирали и попробовали ежевики и черники. Поели вкусной каши, немного отдохнули у костра. Сфотографировались.

И разделились на два отряда. Володя пошёл обратно – в 18 часов должен был быть автобус Третьяково – Южно-Курильск. А мы – Нина, Шура и я – продолжили свой путь. Я, когда фотографировал, сказал, что экспедиция достигла кульминационного момента. Так и оказалось. Володя Рейнвальд от Песчаного ушёл обратно в посёлок, дальше с нами в Алёхино не пошёл. Когда контрольное время истекло, и мы не вернулись, он в номере гостиницы «Магнолия» как раз слушал передачу по местному радио про медведей. Медведь камчатский – самый злобный и агрессивный, сам нападает на людей. Появились медведи-людоеды. Мужчина 32 лет тащил крупную рыбу, медведь бесшумно подошёл сзади и стал раздирать человека. Другие люди видели, но боялись подойти. Миша Диев рассказывал: два милиционера ушли в лес и не вернулись. И много других историй.

У обогревательной будки нам навстречу спускались пешком и на лошади несколько пограничников. Поздоровались. Сказали, что нам осталось 3 километра. Дорога проложена в обход. Идти надо по тропе, вдоль которой натянута верёвка. Вероятно, верёвка от медведей, и чтобы держаться на скользкой почве в дождь и ветер. Снова начался бамбук. Встретился кардиокринум Глена. Начался дождь.

Уже стало смеркаться, когда мы пришли. За домом лесника – погранзастава метрах в двухстах. Лесник Терновой даже на порог не пустил и не разрешил оставить вещи, пока мы сходим отметить на заставу. Сказал, что у него места для нас нет, и вообще – зачем мы пришли? Проверил документы. Чуть смягчился, когда мы сказали, что мы знаем местного ботаника Сашу и Ирину Петровну Петухову. Я попросил, чтобы он показал место, где можно разбить палатку.

«Это единственное, что я вам должен. У меня поставлена стационарная палатка. Сейчас она свободна. Рядом лежат дрова. Зачем вы пришли? Надо посмотреть прогноз погоды по японскому телевидению. Вы разве не знаете, что погода ухудшается и будет шторм»? Примерно так он говорил. Завтра, когда будем уходить, сказать ему. Костёр в дождь и ветер разожгла Нина. Приложили героические усилия, чтобы он не потух, и чтобы доварилась овсяная каша. Я рубил более толстые поленья на щепки, пока Нина и Шура ходили на соседний склон. Вообще-то, они боялись идти одни. Дождь всё шёл с перерывами. Ветер дул всю ночь, палатка трепыхалась, как живая. Вечером я сходил

отметился у пограничников. Посмотрел схему обороны участка границы.

Местный ботаник Саша, который был тут с И.П. Петуховой, предупредил, что по одному на тропу выходить нельзя. Медведь нападает сзади. Ирина Петровна собрала два сеянца магнолии. От Горячего озера (7-8 км) они дошли за 4 часа и под гору. Тропы не видно. Идти можно только с проводником. Как завтра идти на гору они и сами не знают. То есть они пришли с другой стороны, от вулкана Головнина, куда доехали на машине заповедника. Петухова с лаборантом Гришей разместились у Тернового в маленьком сарайчике, Сашу он взял к себе. Вечером светились огни Японии, огни маяка и проходящих судов. Было видно, что в горах Японии выпал снег.

Палатку Алочки постелили на дно, на траву. Ночью прохладно, но спать можно. Утром сварили кашу, и было уже 10 часов утра. Слезали на гору с Шурой до 12.50 – почти три часа вместо одного часа. Нина была недовольна. Сказала, что и ей нужно, чтобы я пошёл по тропе вместе с ней – это ещё час-полтора. Нина накопила орхидей и других растений. Я фотографировал, собирал сеянцы тиса, берёзу, дуб, кое-что ещё. Шура всего боится.

И вот мы пошли в обратный путь. Пошли неправильно. Шура отказалась идти по тропе пограничников. По берегу идти – неизвестно, прилив сейчас или отлив. Но даже в отлив мимо мыса Алёхина по берегу не пройти – там глубоко, корабли причаливают. Это мы уже потом поняли, ещё раз внимательно посмотрев схему, нарисованную пограничниками. Шура устала и сказала, что пойдёт кратчайшим путём по берегу. Вначале идти по пляжу было хорошо и приятно. Затем проход стал всё труднее и опаснее. Камни живые, может придавить при малейшем землетрясении. Перепрыгивали с валуна на валун, обходя большие разъёмы. Я фотографировал, пока не кончилась плёнка. Дождь перестал, но было облачно, штормило, дул порывистый ветер. Наконец, взобравшись на крутой подъём, Нина, как бывалая альпинистка, сказала, что дальше прохода нет.

Поднявшись и посмотрев вниз, я тоже понял, что с рюкзаками не спуститься. Спуск был очень крутой, без уступов. С него легко было сорваться и покатиться вниз. Внизу, в нескольких местах под нами, была совсем небольшая площадка, о которую с грохотом разбивались волны. Мы решили сбросить сначала рюкзаки, а потом спускаться самим. Нина бросила свой рюкзак, он покатился и упал удачно. Потом бросила сумку. Дошла очередь и до моего рюкзака. Но он был продолговатый, тяжёлый, из него торчал ледоруб. Я передал, Нина рюкзак толкнула. Он покатился не вправо, а влево, к краю площадки, и его слизало нахлынувшей волной. Я быстро спустился, хотя перед этим не знал, как буду это делать. Опасение за спуск сменилось опасением за рюкзак. В нём было почти всё. Лишь в сумке при себе документы, деньги и фотоаппарат с плёнками. В рюкзаке – синяя сумка с экспедиционными сборами живых растений, палатка Аллы Капелян, спальник Евгения Васильевича, фляжка со спиртом, ледоруб Вити, топор, секатор, запасные брюки-трико, три пары пуховых носков, сапоги резиновые, две накидки от дождя, ложка с чашкой, футболка, плавки, плащ Васильева. Хорошо, что не взял «Красную книгу», которая у меня была в экспедиции настольной книгой, и вынул из рюкзака джинсы перед выходом из гостиницы по совету Нины. Когда я спустился, рюкзак плавал в водах Кунаширского пролива. Он был недалеко, но его было не достать. Скалы обрывались в воду. Если бы не было шторма – то это было сделать легко. Я быстро разделся, остался в одних трусах и стал на краю. Тут сразу понял, насколько это опасно. Валы волн накатывались на скалы, грозя меня сбросить с уступа. Рюкзак подхватывало волной, он то приближался, то отдалялся. Он развязался, теперь всё плавало по отдельности в небольшой бухточке. Движение воды было круговым, вещи то отдалялись метров на пять-десять, то их снова

прибивало к самой кромке скал. Я перемещался по краю уступа, балансируя и лавируя, отбегая от надвигающегося вала. Главное – что удалось спасти сумку с экспедиционными сборами (потом каждое растение уже на корабле отмывали от солёной воды). Вытащил аптечку, плащ, накидку от палатки, рискуя быть смытым водой. Ледоруб, конечно, сразу пошёл на дно. Плохо, что примерно каждая десятая волна была очень сильной и намного мощнее остальных (недаром есть выражение «девятый вал» - видимо, попадала в резонанс). И одной такой волной меня чуть не смыло - ударило ногой о скалу, потом болел палец. С трудом удержался. Если до этого волны окатывали примерно до пояса, то эта волна была гораздо выше, окатила почти по грудь и потащила за собой. А то просто разбило бы о скалы, некуда было деться. Нина побежала к пограничникам за 6 километров и думала, что вернётся вытаскивать мой труп. А Шура даже не поняла, что я чуть не погиб. Я быстро замёрз на пронизывающем ветру, уже было второе октября. Надел шерстяную кофту, но вскоре меня окатило до головы, и снова я был мокрый. Рюкзак утонул, вместе с секатором и топором. Остались плавать палатка, спальник и фляжка. Так продолжалось час-полтора. Я понял, что остальные вещи выловить не удастся. До песчаной косы мы не дошли совсем немного – ещё один поворот с более лёгким скальным участком и всё. Да, ещё я спас Шурин рюкзак, где было её 425 рублей. Один раз его подхватил из воды, но его снова слизало. Тут Шура вспомнила про деньги и истошно закричала: «Держи рюкзак»! Второй раз я его отбросил уже подальше от края скалы. Когда понял тщетность усилий, пошёл в обогревательную будку пограничников, где не было ветра. Главное – спасены сборы растений. Одед оставшуюся одежду и Нинину пуховку.

Мыс Алёхина, где утонул рюкзак

Ситуация такова: садится солнце, до Южно-Курильска почти 40 километров, ночевать негде, палатка утонула, одежда утонула, а оставшаяся мокрая, продукты кончились. А ночная дорога опасна – выходят медведи, которые нападают на людей. Когда мы не вернулись, и контрольное время истекло, Володя за нас в гостинице переживал. Как раз по радио была передача про злобных и агрессивных медведей. Нина вернулась с двумя

солдатами, которые несли верёвку и палку - длинный шест. Я уже думал заплывать со стороны косы – до утёса было плыть около ста метров. Но отклонили – разобьёт о скалы, слишком близко к скалам и сильная волна. Волны всё с таким же грохотом разбивались о мыс. Нина сказала: хватит глупостей. И мы отказались от попыток достать вещи из воды. Они остались плавать в водах пролива метрах в 20-30 от берега. Пограничники сказали, что они завтра будут на берегу и посмотрят ещё раз. Ждать окончания шторма мы не могли. Завтра в 12 часов дня отправляется теплоход. А следующий теплоход не скоро, тогда опоздаем на самолёт из Владивостока. Наивно рассчитывать улететь с Кунашира на самолёте, возможна нелётная погода (Миша Диев улетел на грузовом самолёте вместе с лошадьми).

Час быстрой ходьбы, и, когда уже село солнце, мы дошли до пограничников. Старший прапорщик Витя, старший лейтенант Роберт, старший лейтенант Владимир Николаевич. Накормили ужином. Парное молоко. Горячий, только что испечённый хлеб. Жареная кета (горбуша – это не рыба). Свежее сало. Чай. Потом поставили стол. Распили неутонувший в другой фляжке спирт. Обсудили положение. Составили акт о пропаже вещей.

Идти нам ночью нет смысла. Ни зги не видать. И медведи. Недавно у пограничников корову задрали. Нас могут подвезти до заставы, ещё 6 километров. А дальше? На попутку надеяться нечего. Пограничники сказали: нам у них заночевать, а завтра нас отвезут (на заставе одна машина, если тревога – машину не дадут). Ужинали при свете керосиновых ламп. А так – японское телевидение, 6 программ. Был ещё случай: один чужак - научный сотрудник - ловил бабочек, и прибежал в испуге, медведь за ним гнался. Даже ружьё у него было (лесник дал), стрелять не умел. А так за несколько лет, такой как у нас, – первый случай. В случае цунами всем быстро бежать на гору. Поставили железные кровати. Утром завтрак – солдатская каша, молоко. Зарядка с гирей на солдатских тренажёрах. Если найдётся палатка – отдадут. Утром небольшой дождь.

Ехать до Южно-Курильска – примерно час. В 10 часов были в «Магнолии». Заветная цель, программа-минимум выполнена. Забрали вещи. Володя обрадовался, увидев нас живыми. Без нас на вулкан Менделеева он не ходил. Позавчера он едва успел дойти за 2 часа от Песчаного до Третьяково и страшно устал, ноги не шли, мышцы болели. Про нас никто не вспомнил, что мы в срок не вышли из зоны.

Горбуша под кроватью протухла, Нинин рецепт не годится, хоть она и считает себя знатоком. В заповедник зайти не успели. Отметили командировки. Успели на теплоход «Ольга Андровская». У Миши Диева все растения отобрали при досмотре (за исключением тех, что он спрятал в нагрудный карман). Нам повезло. Нас провожали пограничники.

Каюта на четверых. Всех укачало, кроме меня (я ведь до этого уже плавал на «Академике Вернадском» по Индийскому океану). Фото дельфинов с палубы, которые нас сопровождали. Вулкан Тятя был в облаках. При хорошей погоде 18 часов ходу до Сахалина. Отмывал попавшие в солёную воду растения, всё разобрал. Ужин в «ресторане» на корабле. Утром уже порт Корсаков.

Акт о пропаже вещей

от 2 октября 1989 г.

Настоящий акт составлен о том, что во время перехода участников ботанической экспедиции БИН АН СССР Г. А. Фирсова, Н. Б. Алексеевой и А. В. Холоповой через скалы мыса Алёхина побережья Кунаширского пролива острова Кунашир 2 октября сорвались в море два рюкзака. Удалось спасти рюкзак с экспедиционными сборами живых растений. Попытка спасти второй рюкзак с помощью пограничников в штормовую погоду не удалась. Там были палатка, спальный мешок, куртка-пуховка, свитер, ледоруб, топор, секатор, фляжка со спиртом.

Сотрудники БИН АН СССР:

Г. А. Фирсов

Н. Б. Алексеева

А. В. Холопова

Ст. лейтенант

Р. Р. Арасланов

Ст. прапорщик

В. Николаенко

Бардак, с трудом доехали до Южно-Сахалинска. Мест в гостинице нет. С трудом устроились в ночлежку. Злачное место, где живут пьяницы и бомжи, пьяная хозяйка. У нас много вещей. Купили с Володей (это всё 4 октября) мне новые вещи взамен утонувших на Кунашире: рубашку, ботинки, сумку для вещей (20 руб. 00 коп.) и сумку для растений (1 руб. 70 коп.). Настроение сразу поднялось – экспедиция продолжалась. Сходили в парк на окраине города. Одна бабуся собирала орехи айлантолистные – она сказала: вкусные орехи, она собирала своим внукам на еду. Уговорил Володю зайти за ирисом Маака для Ниночки, хотя Володя вначале не хотел. Испачкался, набрался череды, даже в волосах, но три корневища принесли. Целы ли наши вещи? Но оказались целы. Женщины, как оказалось, гуляют по магазинам. Пошли в столовую и магазин. Но жень-шеневой настойки нигде не было. (Как впоследствии оказалось – хорошо, иначе не хватило бы денег на багаж в самолёте). Я Володю отпустил на «видик» (видеофильм сомнительного содержания, популярный в те времена). На следующий сеанс они пошли уже все вместе. Я собирался и караулил вещи, писал дневник. Рано поутру в аэропорт. Возникли разногласия. Шура не хотела уезжать с Сахалина. Предлагала перенести рейс с открытой датой вылета. Но билеты были лишь на 12-е число. Альтернативный вариант: нам с Ниной ехать во Владивосток, а Шура с Володей – в Томари, к его знакомому леснику (это центральный Сахалин). В конце концов полетели все вместе. Самолёт ТУ-154, время в полёте 1 час. 30 минут. Тоже доплачивали. Рыбу на Сахалине так и не половили, как палтуса и камбалу ловил Володя в 1984 году в той своей экспедиции.

Во Владивостоке хорошая погода. Тепло, хоть купайся. В Ботаническом саду понравилось, часа за два устроились. Здесь просто рай после сахалинской ночлежки. Первая ночь (с 5 на 5-е октября) на полу в спальнике. Великолепный сон. Затем дали раскладушки, одеяла, подушки. Вместо двери изредка мы влезали в окно (на второй этаж), я – один раз, Миша не однажды. Здесь мы встретили снова и Мишу Диева. Он раскрывал окна по вечерам и по утрам и ловил бабочек. Огромное количество божьих коровок. Очень редко сюда заходят и тигры. Раньше бывали случаи, когда тигры ели корейцев, потом перестали. Сейчас, говорят, снова появились тигры-людоеды. Сварили кашу. В столовую больше не ходить! Иначе забирать продукты обратно в Ленинград. Дали две фуфайки. Лаборатория дендрологии

закрыта. Людмила Пшенникова в Киеве.

Обсудили и выбрали маршрут дальнейших походов. Осталось (от 6 до 10 октября) 5 суток. Это кажется много. Можно поехать почти в любую точку Приморского края. Я настоял на том, что наиболее интересное место – крайний юг, корейская и китайская граница. Здесь проходит северная граница ареалов многих редких корейско-китайских видов. Решили с утра поехать в южную сторону, на Славянку, где Володя уже был. Узнали расписание (комета, теплоход, паром). В этот день нам везло. К полуночи каким-то чудом оказались на самой корейской границе, в посёлке Хасан. С утра Миша проловил бабочек. А когда подъехали к «Комете» (отправление 11.30) – то осталось два билета, а нас четверо. Пришлось бы возвращаться, ходят редко. Но одна женщина сдала два билета (взрослый и детский). До Славянки один час, это акватория Японского моря (моё тринадцатое море, если правильно считаю). На автостанции все билеты проданы не только на сегодня, но и на завтрашнее утро в южную сторону (Посъет, Краскино). На Хасан вообще автобусы не ходят. Единственное, куда были места – в Зарубино, не доезжая Посъета. Я рискнул взять билеты туда, а там – как бог даст. Ехали мы в расчёте на холодную ночёвку на вокзале на скамейке. Из Славянки – мы могли бы немного поискать и пособирать растения и вернуться во Владивосток. Но если в Зарубино – то уж на ночь. Шура вначале артачилась и собиралась в Ленинград, когда ей предложили остаться в городе и походить по магазинам. А с Ниной уже попрощались, ей надо было раньше вернуться в Ленинград. Обсудили альтернативные варианты, куда можно поехать – Уссурийский заповедник, Дальневосточный морской заповедник, Горно-таёжная станция. Я уговорил Шуру ехать именно в Хасанский район. Миша тоже рвался на крайний юг. Спальники не взяли, только фуфайки. Я один поехал в кедах, так как мои сапоги утонули. Взял запасные ботинки. Судя по карте, там холмистая местность. Взяли и котелок. Экспедиция продолжалась. От Славянки до Зарубино час езды. Вначале дорога шла по красивым сопкам, покрытым густым широколиственным лесом, по глухим местам. Не было ни встречных, ни попутных машин. Плотность населения небольшая и недалеко граница. Интересно бы пособирать растения километрах в десяти от Славянки. Но сам конечный пункт Зарубино не понравился. Маленький посёлок в несколько пятиэтажных домов на острове, продуваемом ветрами со всех сторон. Красивый вид на море, но собирать растения негде. За посёлком невысокая сопка (метров сто), выходящая к морю, куда мы и поднялись. Два вида дуба: зубчатый и монгольский. В подлеске леспедеца. В общем однообразно. Лиан нет. На скалах и обрывах к морю – барбарис амурский, роза Максимовича. И такая сухая приморская дубрава на всех соседних сопках. Узнали, что на ближайшей железнодорожной станции Сухановка, в одиннадцати километрах отсюда, вечером пойдёт поезд на Хасан, в 21 час. А к нему подадут автобус. В этом было наше спасение. Вечером уже холодно. Темнеет после 19 часов. Больше часа ждали в темноте на остановке. Не знаю, где окажемся этой ночью. Возможно, здесь и до утра, или у костра. В город уже не вернуться. И в Зарубино оставаться – нечего делать. Но действительность оказалась лучше. Автобус пришёл вовремя. На поезде до Хасана ехать всего два часа. В вагонах большинство – корейцы, едут домой. Билеты – у ревизора. Магазин на станции открывается к поезду, такой режим работы. И почти в полночь мы прибыли в Хасан. Дальше граница с Северной Кореей. Поезд немного стоит и идёт обратно, раз в сутки. Приличный вокзал, где сотни и тысячи корейцев. Для них граница открыта. А вообще сейчас не то, что раньше. Документы проверяли лишь во Владивостоке, когда садились на «Комету». Ни в Хасане по приезде, ни когда брали билеты, ни когда уезжали. Лишь дважды, когда шли вдоль контрольно-следовой полосы. Я сразу встал в очередь за обратными билетами на завтра. Мы рассчитывали как-то скоротать ночь, поезд идёт обратно следующей ночью, а дня на сборы нам хватит. Но нам

повезло. Рядом находилась гостиница, в которой были места. Это было похоже на чудо. Во втором часу ночи мы легли отдыхать на мягкую кровать вместо грязной скамейки. Нет, котелок пригодился! – Здесь даже кашу варили. Шура попала в номер с переводчицей корейского языка.

Окрестности Хасана

Утром поход в природу. То, из-за чего столько натерпелись. Вначале сходил на погранзаставу. Можно ходить везде в тылу до колючей проволоки. Но на контрольно-следовую полосу не наступать. И не трогать натяжную нитку на полосе, чтоб нас не искали. Спросили, куда конкретно нам надо. У нас такого не было, чтобы нам осматривать конкретную сопку или такой-то именно ручей. Просто ознакомиться с разнообразными типами растительности от болотной до горной. Пограничники советовали сходить на озеро Дарацин (переводится как «Лотос») и подняться на близлежащие сопки. Природа здесь девственная, безлюдно. Я спросил, можно ли попасть на озеро Хасан. Нет, оно в зоне отчуждения, за колючей проволокой. Берег пограничной реки тоже за проволокой. Чтобы попасть туда, надо ехать в Посьет, в штаб, за разрешением. Тогда дадут сопровождающих пограничников и впустят в зону за проволоку. Эта зона шириной несколько сот метров практически недоступна для посещения, за забором колючей проволоки и контрольно-следовой полосой. Возможно, в ней и сохранились последние эндемики, которые отмечаются в литературе для территории Советского Союза, и которых мы так и не нашли.

Разделились на две группы. Редкие виды стали попадаться сразу за станцией вдоль полотна железной дороги. Например, княжик охотский. Богатейшая травянистая флора. Это ведь кусочек флоры Кореи. Правильно, что мы пошли на север от посёлка. Здесь впервые пригодился компас. К югу – болота, низкие места, и километрах в пятнадцати Японское море. А к северу – сопки. Сопки, возможно до 100, а то и до 200 метров высотой. Очень интересно, что на сопках – степь и сухая дубрава, между сопками – озёра и болота, а прямо из болот торчат скалы. Дороги пустынные. С внешним миром связывает одна нитка

железной дороги. Миша с Володей остались у озера. Они нашли лодку и поплыли собирать водные растения (Миша, как потом рассказывал, чуть не потонул). А мы с Шурой пошли за древесными в сопки. До озера было километра два-три. А до сравнительно высокой сопки мы шли километров десять. Весь день на ногах, с пол-одиннадцатого до 8 вечера, вернулись уже в темноте. Только из-за лотоса Комарова стоило приехать. Здесь же бразения, нимфоидес, вдоль берега ирис энзата. Тут можно было собирать всё подряд. На склоне сопки мы нашли рододендрон Шлиппенбаха. Древесная растительность беднее, но можно многое собрать. Нашли ещё один вид рододендрона, собрали семена ольхи японской, сеянцы тополей и ив. На сопке старые заросшие окопы, полвека назад здесь были бои с японскими самураями. Нашли редкую селлагинеллу и папоротник полиподиум. Сделал фото, как из песни Высоцкого «на нейтральной полосе цветы необычайной красоты»: корейская дендрантема на контрольно-следовой полосе. На сопке нас догнал Миша и напугал. Шура подумала, что нас ловят пограничники. Хотелось и на другие сопки, но не успевали по времени. По склону шли медленно, продираясь через высокотравье и колючие заросли малины боярышникомлистной. С сопки видно море, Корею и Китай, как на ладони. На вершине пообедали. Погода не мешала нашим сборам. Но время шло. Стало вечереть. Времени до сумерек оставалось немного. Спустились по склону к дороге, что шла вдоль контрольно-следовой полосы. Подъехала машина с пограничниками. Они отвезли пограничника с собакой, вернулись за нами и подвезли. Где же прячутся эндемики? На такое место, как Хасан, надо бы хотя бы два дня осмотра. Володя нашёл виноградовик. Вечером, пока ждали поезда, успели разобрать наши собранные за день растения. Побежала навстречу по лестнице Шура: открыли магазин «Дружба». Но, оказывается, это просто чёрный рынок. Я ничего там не стал покупать. Станция заполнена сотнями корейцев. Все корейцы со значками Ким Ир Сена. Женщин нет. Лесорубы едут рубить наш лес. Обрато идут в Корею составы с лесом, пути забиты вагонами с лесом.

Доехали до Владивостока по-человечески. Семь часов до Барановского (не доезжая Уссурийска). И два часа на поезде Лисичанск – Владивосток. Сошли на станции Океанской. Ночью замёрз, накрылся тюфяком. Плацкартный билет – 6 рублей, вагон полупустой. Около 11 часов утра были в Ботаническом саду.

Я сразу почувствовал, что экспедиция закончена. Хотя Шура всё собиралась в Уссурийский заповедник. Не выбрались даже на остров Попова рядом с городом. Отправили 2 посылки. Письмо от Нины и бананы, очень трогательно. Сходили на гору. Потом у Шуры разболелись ноги. И здесь много интересных растений вокруг Ботанического сада. Можно собрать калопанакс семиллопастный, есть другие аралиевые. Сад славится своей природной флорой. На другой день смотрели коллекции Сада. Коллекция хризантем произвела сильное впечатление. В оранжерее не был. Приехала Люда Пшенникова из Европы, привезла много новых растений в коллекцию. В Саду очень красив можжевельник твёрдый с длинной хвоей, краснокнижный вид дальневосточной флоры. На гору слазать хватило одного раза. Заповедный лес вокруг Ботанического сада своеобразный. Нет бурелома как в Курильском заповеднике. Везде можно пройти. Почти отсутствует травяной покров. Здесь те же птицы насмеваются, но в меньшем количестве, как на Сахалине. В магазинах рыбы нет. Откуда Коля Васильев взял, что рыба есть? Купил зверскую капусту у корейцев по совету Люды. Вкусно, но всё обжигает. Соус из Японии. Вечером до моря не дошёл.

9 октября. Отбирал растения у Люды для ленинградского Ботанического сада. Ездил в город – разочарование. Троллейбус в любое время набит людьми, как в Волгограде. В магазинах пусто и очереди. С утра на почту, отправил две посылки. Потом осмотр Ботанического сада.

10 октября. С утра к Люде. Затем поход на станцию ВИР с Шурой, познавательная экскурсия. Познакомился с Зоей Кожевниковой. На станции нас тепло встретили Надежда Марковна Бочкарникова и Андрей Шамильевич Сабитов. Красочный колорит осеннему дальневосточному лесу придаёт клён ложнозибольдов. Шли пешком, вдоль дороги встретилась диоскорея ниппонская. В подлеске можно было увидеть лещину разнолистную и калину буреинскую. У опушки леса собрали семена акантопанакса. Отвёз в аэропорт чемодан Васильева и Шуриный рюкзак. Миша Диев днём уехал. На ужин макароны с тушёной, уже надоело. (А рыба вот не надоела). Сборы до 23 часов, уборка помещения. Боялся проспать.

11 октября. Подъём в 5 утра. До Океанской шли пешком. Успели на электричку в 6.32. В аэропорт прибыли с запасом времени. Володя и здесь пошёл делать сборы, собрал вишню Максимовича. Денег осталось у меня 30 рублей, у Шуры – 16 рублей. Едва хватило заплатить за багаж. Летим в самолёте ТУ-154. Пригодилось сало пограничников. 21.40 владивостокского времени. Омск – Ленинград.

Итак, в экспедицию надо присоединяться к кому-то с машиной. Люда меня ждёт, и на следующий год приглашает. Олег из Новосибирска пригонит машину по северу Приморского края. На Сахалине можно присоединиться. И списаться с Курильским заповедником, если они будут в нас заинтересованы. Много осталось за пределами возможностей. Сахалин практически не рассмотрели. Приморский край – лишь одно место, не считая Владивостока. На Кунашире даже удивились, что мы приехали только на 4 дня. Надо ехать или только в Приморский край или сразу на Кунашир. Время 0.20. Подлетаем, вошли в зону облаков – туман, как на горе Чехова. Только что разбудили, приснился полуостров Сиретоко, где мы ещё не были.

С тех пор растёт в Ботаническом саду в Санкт-Петербурге магнолия обратнойцевидная, привезенная из Алёхино и побывавшая в водах Кунаширского пролива.

1989 expedition for new plants to the Russian Far East

FIRSOV
Gennady

Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences,
gennady_firsov@mail.ru

Key words:
history, history of gardening,
botanical garden, replenishment of
collection funds

Summary: The article describes plant hunting expedition by the Peter the Great Botanical Garden of Komarov Botanical Institute to the Russian Far East.

Is received: 03 march 2017 year

Is passed for the press: 21 november 2017 year

Цитирование: Фирсов Г. А. Экспедиция 1989 года за новыми растениями на Дальний Восток // Hortus bot. 2017. Т. 12, 2017-4323, URL: <http://hb.karelia.ru/journal/article.php?id=4323>. DOI: [10.15393/j4.art.2017.4323](https://doi.org/10.15393/j4.art.2017.4323)

Cited as: Firsov G. (2017). 1989 expedition for new plants to the Russian Far East // Hortus bot. 12, 466 - 484. URL: <http://hb.karelia.ru/journal/article.php?id=4323>